

ЛИНГЕНС (LINGENS) против АВСТРИИ

Судебное решение от 8 июля 1986 г.

КРАТКОЕ НЕОФИЦИАЛЬНОЕ ИЗЛОЖЕНИЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ ДЕЛА

А. Основные факты

14 и 21 октября 1975 г. г-н Лингенс опубликовал в венском журнале "Профиль" две статьи с резкой критикой г-на Крайского, который в то время был федеральным канцлером, за его снисходительное отношение к политическому деятелю г-ну Фридриху Петеру, председателю Либеральной партии Австрии, который во время Второй мировой войны служил в бригаде СС, и за нападки, с которыми г-н Крайский обрушился на г-на Виезенталя, публично разоблачившего прошлое председателя либеральной партии.

Г-н Крайский обвинил заявителя в диффамации. 26 марта 1976 г. Ок-ружной суд Вены частично признал обвинение и приговорил г-на Лингенса к штрафу в 20 000 шиллингов. По апелляции, поданной обеими сторонами, Апелляционный суд Вены отменил решение и передал дело на новое рассмотрение окружного суда, который 1 апреля 1981 г. подтвердил свое предыдущее решение. Г-н Лингенс вновь обжаловал его, и 29 октября 1981 г. Апелляционный суд уменьшил штраф до 15 000 шиллингов.

В. Разбирательство в Комиссии по правам человека

В жалобе, поданной в Комиссию 19 апреля 1982 г., заявитель утверждал, что стал жертвой нарушения статьи 10 Конвенции, гарантирующей свободу выражения мнений. Жалоба 5 октября 1983 г. объявлена приемлемой.

После нескольких безуспешных попыток добиться мирового соглашения Комиссия составила доклад, датированный 11 октября 1984 г., в котором единогласно пришла к выводу, что имело место нарушение статьи 10.

13 декабря 1984 г. дело было передано в Суд Комиссией, а 26 января 1985 г. — Правительством.

ИЗВЛЕЧЕНИЕ ИЗ СУДЕБНОГО РЕШЕНИЯ

ВОПРОСЫ ПРАВА

I. О предполагаемом нарушении статьи 10 Конвенции

34. Согласно статье 10 Конвенции:

"1. Каждый человек имеет право на свободу выражать свое мнение. Это право включает свободу придерживаться своего мнения и свободу получать

и распространять информацию и идеи без какого-либо вмешательства со стороны государственных органов и независимо от государственных границ.

2. Осуществление этих свобод, налагающее обязанности и ответственность, может быть сопряжено с формальностями, условиями, ограничениями или санкциями, которые установлены законом и которые необходимы в демократическом обществе в интересах государственной безопасности, территориальной целостности или общественного спокойствия, в целях предотвращения беспорядков и преступлений, для охраны здоровья и нравственности, защиты репутации или прав других лиц, предотвращения разглашения информации, полученной конфиденциально, или обеспечения авторитета и беспристрастности правосудия”.

Г-н Лингенс утверждал, что оспариваемые решения суда нарушали его право на свободу слова до такой степени, которая несовместима с основополагающими принципами демократического общества.

К такому же выводу пришла и Комиссия. С другой стороны, Правительство утверждало, что спорное наказание было необходимым для защиты репутации г-на Крайского.

35. Никем не оспаривалось, что имело место “вмешательство государственных органов” в осуществление заявителем права на свободу слова. Это выразилось в осуждении заявителя за диффамацию Окружным судом Вены 1 апреля 1981 г., приговор которого был подтвержден Апелляционным судом Вены 29 октября 1981 г.

Подобное вмешательство противоречит Конвенции, если только оно не соответствует требованиям статьи 10 п. 2. Таким образом, Суду предстоит определить, было ли вмешательство “предусмотрено законом”, направлено на цель или цели, признанные правомерными в соответствии с п. 2 статьи 10, и было ли оно для достижения этих целей “необходимым в демократическом обществе” (см. в качестве недавнего прецедента судебное решение по делу Бартольда от 25 марта 1985 г. Серия А, т. 90, с. 21, п. 43).

36. Относительно первых двух вопросов Суд согласен с Правительством и Комиссией, что оспариваемый обвинительный приговор несомненно основывается на статье 111 Уголовного кодекса Австрии; более того, он направлен на защиту “репутации других лиц”, и нет оснований полагать, что у него имеется какая-либо иная цель (см. статью 18 Конвенции). Таким образом, приговор был вынесен по основаниям, “предусмотренным законом”, и имел правомерную цель в соответствии со статьей 10 п. 2 Конвенции.

37. Комиссия, Правительство и заявитель концентрировали свое внимание на вопросе, было ли вмешательство “необходимым в демократическом обществе” для достижения вышеупомянутой цели.

Заявитель ссылаясь на свою роль журналиста, пишущего на политические темы в плюралистическом обществе; в этом качестве он считал своим долгом выразить свой взгляд на резкую критику г-на Виезенталя со стороны г-на Крайского. Он так же, как и Комиссия, полагал что политик, который привык нападать на своих оппонентов, должен ожидать более жесткой критики в свой адрес, чем другие люди.

Правительство утверждало, что свобода слова не должна препятствовать национальным судам принимать по своему усмотрению решения, необходимые для того, чтобы не допустить превращения политической дискуссии в обмен личными оскорблениями. Утверждалось, что некоторые выражения, использованные г-ном Лингенсом, выходили за пределы допустимого, поскольку заявитель мог знакомить общественность со своими взглядами

без какой-либо предварительной цензуры; таким образом, наложенное на него впоследствии наказание не было несоразмерным с правомерно преследуемой целью.

Правительство настаивало, что в данном случае имел место конфликт между двумя гарантированными Конвенцией правами — свободой слова (статья 10) и правом на уважение личной жизни (статья 8). Весьма широкое толкование, данное Комиссией первому из этих прав, говорилось далее, было сделано без достаточного учета необходимости оградить второе право.

38. По этому последнему вопросу Комиссия отметила, что слова, которые ставятся в вину г-ну Лингенсу, относились к некоторым публичным обвинениям со стороны г-на Крайского в адрес г-на Виезенталя. Речь шла об отношении к национал-социализму и бывшим нацистам и соответственно здесь нет необходимости в прочтении статьи 10 в свете статьи 8.

39. Прилагательное “необходимы” в смысле статьи 10 п. 2 подразумевает наличие “острой общественной потребности” (см. вышеупомянутое решение по делу Бартольда. Серия А, т. 90, с. 24—25, п. 55). Государствам-участникам предоставлена определенная сфера усмотрения в оценке того, существует ли подобная потребность (там же), но одновременно возможен европейский контроль за законодательством и практикой его применения, включая решения независимых судов (см. решение по делу “Санди таймс” от 26 апреля 1979 г. Серия А, т. 30, с. 36, п. 59). Именно Европейский Суд уполномочен дать окончательное определение того, насколько “ограничение” или “санкция” совместимы со свободой слова, в том виде, как она защищается статьей 10 (там же).

40. Осуществляя свою контрольную юрисдикцию, Суд не может ограничиваться рассмотрением оспариваемых судебных решений вне контекста дела в целом (см. *mutatis mutandis* решение по делу Хэндисайда от 7 декабря 1976 г. Серия А, т. 24, с. 23, п. 50). Суд должен определить, является ли вмешательство, о котором идет речь, “соразмерным преследуемой правомерной цели”, подтверждено ли оно доводами, выдвинутыми австрийскими судами в его обоснование, и являются ли они достаточными (см. вышеупомянутое решение по делу Бартольда. Серия А, т. 90, с. 25, п. 55).

41. В этой связи Суд вынужден напомнить, что свобода выражения мнения, как она определяется в п. 1 статьи 10, представляет собой одну из несущих опор демократического общества, основополагающее условие его прогресса и самореализации каждого его члена. При соблюдении требований п. 2 свобода слова охватывает не только “информацию” или “идеи”, которые встречаются благоприятно или рассматриваются как безобидные либо нейтральные, но также и такие, которые оскорбляют, шокируют или внушают беспокойство. Таковы требования плюрализма, толерантности и либерализма, без которых нет “демократического общества” (см. упомянутое выше судебное решение по делу Хэндисайда, п. 49).

Эти принципы приобретают особое значение в том, что касается прессы. Хотя пресса и не должна преступать границы, установленные *inter alia* для “защиты репутации других лиц”, тем не менее на нее возложена миссия по распространению информации и идей по политическим вопросам, а также по другим проблемам, представляющим общественный интерес. Если на прессе лежит задача распространять такую информацию и идеи, то общественность, со своей стороны, имеет право получать их (см. *mutatis mutandis* упомянутое выше судебное решение по делу “Санди таймс”,

п. 65). В этой связи Суд не может принять мнения, высказанного в решении суда второй инстанции Вены, о том, что задачей прессы является распространение информации, толкование которой следует оставить главным образом читателю (см. п. 29).

42. Свобода печати наделяет к тому же общество одним из самых совершенных инструментов, позволяющих узнать и составить представление об идеях и позициях политических лидеров. В более общем виде можно сказать, что свобода политической дискуссии составляет стержень концепции демократического общества, которая проходит через всю Конвенцию.

Соответственно, пределы допустимой критики в отношении политиков как таковых шире, чем в отношении частного лица. В отличие от последнего первый должен проявлять и большую степень терпимости к пристальному вниманию журналистов и всего общества к каждому его слову и действию. Нет сомнения, что п. 2 статьи 10 позволяет защищать репутацию каждого, т. е. распространяется и на политиков, даже когда они выступают не в личном качестве; но в таких случаях противовесом подобной защиты выступает интерес общества к открытой дискуссии по политическим вопросам.

43. Заявитель был осужден, потому что в двух статьях, опубликованных в венском журнале “Профиль” 14 и 21 октября 1975 г., он использовал некоторые выражения (“низкопробный оппортунизм”, “аморальный”, “недостойный”) в отношении г-на Крайского, который в то время был федеральным канцлером. В статьях рассматривались политические проблемы, вызвавшие в Австрии большой общественный интерес и повлекшие за собой оживленную дискуссию по поводу отношения австрийцев в целом — и их канцлера в частности — к национал-социализму и участию бывших нацистов в управлении страной. Содержание и тон этих статей были в общем достаточно сбалансированы, но использование ранее упомянутых выражений выглядело как нечто, способное повредить репутации г-на Крайского.

Однако, так как дело касалось г-на Крайского как политика, следовало принять во внимание тот фон, на котором появились эти публикации. Это произошло вскоре после всеобщих выборов в октябре 1975 г. Многие австрийцы полагали, что партия г-на Крайского в итоге этих выборов утратит абсолютное большинство и, чтобы остаться у власти, вынуждена будет вступить в коалицию с партией г-на Петерса. После выборов г-н Виезенталь опубликовал серию разоблачений о нацистском прошлом г-на Петерса, и тогда канцлер выступил в защиту г-на Петерса и обрушился с нападками на его критиков, обвинив их в “мафиозных методах”, что в свою очередь вызвало столь резкую реакцию со стороны г-на Лингенса.

Таким образом, инкриминируемые выражения следует рассматривать на фоне разгоревшегося после выборов политического спора; как отметил в своем решении от 26 марта 1979 г. Окружной суд Вены, в этой борьбе каждый использовал то оружие, которое оказалось в его распоряжении; и в этом не было ничего необычного для ожесточенной политической дискуссии.

При оценке в свете Конвенции наложенного на заявителя наказания и причин, по которым его вынесли внутренние суды, эти обстоятельства нельзя упускать из виду.

44. Апелляционный суд Вены, приговорив г-на Лингенса к штрафу, отдал приказ о конфискации соответствующих номеров журнала “Профиль” и о публикации судебного решения.

Спорные статьи, как указало Правительство, в то время уже получили широкое хождение, и наложенное на автора наказание, строго говоря, уже не могло помешать ему выразить свое мнение, тем не менее оно равносильно своего рода порицанию, которое, вероятно, может отбить у него охоту заниматься подобной критикой в будущем. Представитель Комиссии справедливо отметил это обстоятельство. В контексте политической дискуссии подобный приговор может, вероятно, отвратить журналистов от стремления внести вклад в публичное обсуждение проблем, затрагивающих жизнь общества. К тому же санкция, подобная этой, могла бы помешать прессе выполнять свою задачу носителя информации и “сторожевого пса” общества (см. *mutatis mutandis* вышеупомянутое решение по делу Бартольда, п. 58).

45. Австрийские суды сосредоточились на выяснении вопроса, являются ли фразы, которые ставятся в вину г-ну Лингенсу, объективно диффамационными, и определили, что некоторые из использованных выражений и в самом деле носили порочащий характер: “низкопробный оппортунизм”, “аморальный”, “недостойный”.

В своей жалобе заявитель утверждал, что замечания, о которых идет речь, представляли собой оценочные суждения, сделанные им в осуществление права на свободу слова. Суд, как и Комиссия, разделяет эту точку зрения. Критика заявителя была фактически направлена против позиции, занятой г-ном Крайским, бывшим в ту пору федеральным канцлером. Предметом спора было не право заявителя распространять информацию, а его свобода выражения мнений и его право распространять идеи; тем не менее ограничения, установленные в статье 10 п. 2, были применены.

46. Соответствующие суды постарались затем определить, удалось ли заявителю доказать истинность своих заявлений; это делалось во исполнение статьи 113 § 3 Уголовного кодекса. По мнению судов, имелись различные способы оценки поведения г-на Крайского и логическим путем невозможно доказать, что одно толкование было настолько правильным, что оно исключало возможность всех других; в результате они признали заявителя виновным в диффамации (см. п. 24, 26 и 29 выше).

С точки зрения Суда, следует проводить тщательное различие между фактами и оценочными суждениями. Существование фактов может быть доказано, тогда как истинность оценочных суждений не всегда поддается доказыванию. Суд отмечает в этой связи, что факты, на которых г-н Лингенс основывал свои оценочные суждения, так же как и его добросовестность, никто не оспаривал (см. п. 21).

Согласно статье 111 § 3 Уголовного кодекса, взятой в сочетании с § 2, журналисты в подобных случаях могут избежать осуждения за совершение действий, перечисленных в § 1, если только они сумеют доказать истинность своих утверждений.

В отношении оценочных суждений выполнить это требование невозможно, и оно нарушает саму свободу выражения мнений, которая является основополагающей частью права, гарантированного статьей 10 Конвенции.

Окружной суд Вены отметил, что распределение бремени доказывания определено законом и только закон может изменить его (решение от 1 апреля 1981 г.; см. п. 26 выше). Однако Суд полагает, что в его обязанность не входит конкретизировать, какой именно орган публичной власти несет ответственность за нарушение Конвенции; речь идет об ответственности

государства как такового (см. *inter alia* решение по делу Циммермана и Стейнера от 13 июля 1983 г. Серия А, т. 66, с. 13, п. 22).

47. Из вышесказанного видно, что вмешательство в осуществление свободы слова г-ном Лингенсом не было “необходимым в демократическом обществе... для защиты прав других лиц”; оно было несоразмерным с преследуемой законной целью. Соответственно, имело место нарушение статьи 10 Конвенции.

II. Применение статьи 50

48. Согласно статье 50 Конвенции:

“Если Суд установит, что решение или мера, принятые судебными или иными властями Высокой Договаривающейся Стороны, полностью или частично противоречат обязательствам, вытекающим из настоящей Конвенции, а также если внутреннее право упомянутой Стороны допускает лишь частичное возмещение последствий такого решения или такой меры, то решением Суда, если в этом есть необходимость, предусматривается справедливое возмещение потерпевшей стороне”.

49. В письме от 18 ноября 1985 г. заявитель настаивал на получении справедливого возмещения в денежном выражении. Во время слушаний 25 ноября Правительство, хотя оно и оспаривало наличие нарушения, согласилось с некоторыми требованиями, но пожелало получить дальнейшие уточнения в отношении других. Г-н Лингенс представил их 6 декабря 1985 г. и 17 марта 1986 г., а Правительство прокомментировало их 18 марта. Комиссия представила свои комментарии 22 апреля 1986 г.

Вопрос, таким образом, готов для решения.

50. Заявитель требовал, во-первых, возвращения 15 000 шиллингов штрафа и 30 600 шиллингов судебных издержек, отнесенных на его счет Апелляционным судом Вены. Он действительно имеет право на возмещение указанных сумм по причине их непосредственной связи с настоящим решением. Правительство против этого возражало.

51. В возмещение расходов, понесенных в результате дополнительного наказания в виде обязанности опубликовать судебное решение в журнале “Профиль”, заявитель потребовал 40 860 шиллингов, исходя из расценок, действовавших в то время.

Правительство возражало, что эта сумма включала в себя, во-первых, упущенную выгоду, а во-вторых, фактические финансовые издержки; оно утверждало, что только последние должны приниматься в расчет в целях статьи 50.

Суд не может строить предположения относительно размера дохода, который г-н Лингенс мог бы получить, если бы в журнале были бы размещены платные объявления на месте судебного решения, опубликованного 29 октября 1981 г. Но это не исключает того, что заявитель мог понести ущерб от упущенных возможностей, что должно быть принято во внимание. Бесспорно, есть издержки, понесенные в связи с воспроизведением судебного решения, о котором идет речь.

Эти расходы не могут быть рассчитаны точно. Оценивая их в целом на справедливой основе, Суд присуждает г-ну Лингенсу 25 000 шиллингов по этому основанию.

52. Заявитель далее потребовал 54 938,60 шиллинга за издержки и расходы, понесенные на его защиту в окружном и апелляционном судах.

Это требование заслуживает рассмотрения, т. к. судебные разбирательства в них были направлены на предотвращение или восстановление нарушения права, установленного настоящим Судом (см. решение по делу Минелли. Серия А, т. 62, с. 20, п. 45). Более того, испрашиваемая сумма представляется обоснованной и должна быть присуждена заявителю.

53. Относительно издержек и расходов, понесенных в ходе рассмотрения дела в учреждениях Конвенции, г-н Лингенс — который не получал судебной помощи — первоначально оценил их в 197 033,20 шиллинга. Правительство оспаривает как сумму, которую оно считает чрезмерной, так и способ расчета. В последующем адвокат заявителя представил счет на 189 305,60 шиллинга.

Суд вновь подчеркивает, что в этом контексте он не связан внутренними ставками или критериями, на которые ссылаются Правительство и заявитель в обоснование своих позиций, он решает по своему усмотрению, исходя из своих представлений о справедливости. В данном случае никем не оспаривалось, что расходы были фактически произведены и необходимы; единственный спорный вопрос, насколько они были оправданны в денежном исчислении. Суд разделяет сделанные Правительством оговорки и считает целесообразным присудить заявителю 13 000 шиллингов в возмещение расходов, о которых идет речь.

54. И наконец, г-н Лингенс потребовал 29 000 шиллингов за транспортные расходы и проживание во время рассмотрения дела в Комиссии, а потом в Суде.

Заявители могут предстать перед Комиссией лично (статья 26 п. 3 Регламента), и именно это произошло в настоящем случае. Хотя они не могут выступать в качестве стороны в Суде, они несомненно вправе, на основании статей 30 и 33 п. 3 (d) Регламента Суда, участвовать на определенных условиях в судебном разбирательстве. Более того, их присутствие в зале суда является несомненным плюсом: оно позволяет Суду уточнить на месте их точку зрения по касающимся их вопросам (статьи 39 и 44 Регламента Суда — см. решение по делу Кёнига от 28 июня 1978 г. Серия А, т. 36, с. 19, п. 26). Не представляется необоснованной и сумма, испрашиваемая в этой связи г-ном Лингенсом.

55. Общая сумма, присуждаемая г-ну Лингенсу на основании статьи 50 Конвенции, составит 284 538,60 шиллинга.

ПО ЭТИМ ОСНОВАНИЯМ СУД ЕДИНОГЛАСНО

1. *Постановил*, что имело место нарушение статьи 10 Конвенции;
2. *Постановил*, что Республика Австрия должна выплатить заявителю 284 538,60 шиллинга (двести восемьдесят четыре тысячи пятьсот тридцать восемь шиллингов и шестьдесят грошей) в качестве “справедливого возмещения”.

Совершено на английском и французском языках и оглашено во Дворце прав человека в Страсбурге 8 июля 1986 г.

За Гrefье
Джонатан Л. Шарп
Руководитель отдела секретариата

Рольф Риссдал
Председатель

В соответствии со статьей 51 п. 2 Конвенции и статьей 53 п. 2 Регламента Суда к настоящему решению прилагается отдельное мнение г-на Тора Вильялмсона.

СОВПАДАЮЩЕЕ МНЕНИЕ СУДЬИ ТОРА ВИЛЬЯЛМСОНА

По этому делу я присоединился к выводу моих коллег о нарушении статьи 10 Конвенции, но с некоторым колебанием. Хотел бы прокомментировать основания, изложенные в настоящем решении.

В первом абзаце п. 29 говорится, что Апелляционный суд Вены установил, что г-н Лингенс критиковал г-на Крайского в его обоих качествах, и как партийного лидера, и как частное лицо (подчеркнуто мной). Имея это в виду, мне трудно согласиться с последней частью п. 38 решения. Хотя вместе с другими судьями я согласен, что в данном случае следует применять и толковать именно статью 10 Конвенции. Однако это должно быть сделано учетом права на уважение личной жизни, о чем говорит статья 8 Конвенции. Это один из факторов, имеющих отношение к решению вопроса о том, была ли свобода слова в данном случае подвергнута ограничениям и санкциям, которые необходимы в демократическом обществе для защиты репутации других лиц. Содержание последующих пунктов показывает, что фактически это право было учтено, когда Суд взвешивал значимость соответствующих доводов. Как сказано выше, я согласен с выводом, изложенным в п. 47, и с постановляющей частью судебного решения.